ЖЗ ЖУРНАЛЬНЫЙ ЗАЛ
Русский толстый журнал как эстетический феномен
РЖ Русский Журнал рабочие тетради
Последнее обновление: 05.10.2009 / 23:59
Обратная связь: zhz@russ.ru
Все проекты ЖЗ:
Новые поступления | Афиша | Авторы | Обозрения | О проекте
Поиск

Опубликовано в журнале: «Дружба Народов» 2009, №10

Владимир КАНТОР

Любовь всегда трагедия

версия для печати (67972)
« ‹ — › »

Майму Берг. Я любила русского: Роман. Перевод с эстонского Светлана Семененко. — Tallinn, 2009.

Удивительный, очень тонкий, спокойный и трагический психологический роман. Даже не роман, а своего рода психологическая притча, некая формула жизни, отрицающая евклидовский мир. Тема вполне в духе пошедшей от начала XX века психологической эротики, больше всего сюжет напоминает набоковскую “Лолиту”. Но как бы *наоборотную* “Лолиту”, зазеркальную. Поворот темы у Майму Берг несколько неожиданный. Вообще неожиданность, переворачивание привычной ситуации и то, что в литературоведении называется *остранением*, то есть умение увидеть ситуацию в другом ракурсе, характерно для прозы Майму Берг, несмотря на внешне типичную эстонскую неторопливость и обстоятельность. Это к тому же настоящая женская проза, если под ней понимать не дамское рукоделье, а серьезный взгляд на жизнь, понимание тех ее сложностей, мимо которых проходит обычно мужчина, традиция, идущая от Жорж Санд и Джейн Остин? Среди современниц — Светлана Василенко, Людмила Улицкая. В недавно переведенном на русский рассказе “Baltic Dream” (Дружба народов, 2009, № 4) повествуется об обмененных головах (почти как в новелле Томаса Манна). Но парадоксальный поворот в том, что голова мужчины оказывается на плечах женщины. А женская — на плечах мужчины, который “глянул в зеркало, уверенный, что оттуда на него посмотрит ежеутренне привычное лицо, которое он принимал за свое, не задумываясь об этом”. Это здорово: “принимал за свое, не задумываясь”. А писательница задумывается: а что если изменить привычную точку зрения? И ведь меняет. Но при этом она дает культурфилософскую трактовку произошедшего: женщина — из Эстонии, мужчина — из Латвии, а для Большой Европы эти маленькие народы совсем почти неразличимы. Что уж удивительного, если голова латыша оказывается на плечах эстонки, а ее голова у латыша. Или во втором рассказе — “Estonian Dream” — старушка рассказывает героине, что, спасаясь от грабителя, она направила на него зонтик, и вдруг зонтик выстрелил как пистолет. В конце рассказа старушка в шутку направляет зонтик на хозяйку. На этом обрывается рассказ. Фантасмагория очевидна, но за ней страх и ужас от этой жизни.

Очень замечательна в этом смысле рецензируемая книга.

Это рассказ-воспоминание взрослой женщины, писательницы, о самом сильном и неотвязном событии ее жизни. Она им дышит, им живет. Она в доме творчества в другой стране общается с коллегами, но ее мысли, ее высшее, что делает писателя писателем, — память — продолжает жить в том отрезке времени, которое сформировало ее душу.

Об имени героя мы узнаем только в конце романа, до этого в рассказе-воспоминании у героя нет имени, как у Бога, и наименования ему — Он, о Нем, с Ним — даются с прописной буквы, как о высшем существе. Он — рентгенолог, трогательно описано, когда влюбленная девочка, пришедшая на рентген, боится обнажиться до пояса и убегает. Очень точно. Он не функция от кабинета, он для нее давно желанный мужчина, перед которым по врачебной нужде не

обнажишься. Когда, застеснявшись, она убежала из рентгеновского кабинета, не в силах раздеться перед ним, она перестала быть маленькой девочкой. Но, беспокоясь о ней как врач, он приходит к ней домой. Описана бытовая сцена. Мать на работе, и девочка поит его чаем: “Мы молча пили чай, хрупали печеньем, я смотрела на Него и думала: вот мужчина, которого я люблю, которого давно полюбила, еще когда была маленькой, полюбила как женщина любит мужчину, мечтала о Нем, как женщина мечтает о мужчине, представляла, как Он обнимает меня и целует. Я видела это во сне, для меня все это уже давно произошло, пережито, прочувствовано, почти физически, остается только сказать ему и ждать его решения”.

Как известно, знаменитая “Лолита” направлена против Достоевского, Набоков иронизирует над ставрогинским грехом, оправдывая Гумберт Гумберта. Роман этот заставлял многих родителей с тревогой думать о возможном подобном ужасе для молодых девушек. Никто не подумал, что набоковский роман — это рассказ мужчины, довольно иронически описавшего свою юную любовницу и рассказавшего, что любовь, как бы она ни начиналась, если она настоящая, преодолевает и извращенное сознание героя. (Лолита уже взрослая, а он все равно ее любит!) Но это рассказ с точки зрения мужчины. Словно у женщины, даже подростка, нет желаний. А ведь это другая проблема: как воспринимает ситуацию, как может ее воспринять юная девушка. Здесь, в рецензируемом романе, зеркальный взгляд на проблему. Мы воспринимаем любовную ситуацию с позиции юной девушки. Не только мужчина любит, но и девушка вполне активная сторона. Как было сказано в одном известном фильме: “Женщина — она тоже человек!”

Девочке тринадцать лет, но любит она героя уже лет шесть. Ее переполняет желание любви, желание взросления: “Я сижу на корточках в кустах, и на глаза навертываются слезы. Я плачу не только из-за несчастной любви, не только из-за того, что так плохо идут дела в школе. Я плачу из-за того, что так трудно быть ребенком, что большой становиться еще труднее, что все это так страшно, так ужасно. Как хочется быть любимой!”. Здесь и сексуальное женское пробуждение, но и жажда отца (отец оставил мать, и девочка никогда его не видела, а любовник матери был ей отвратителен).

Она нашла в Нем и любовь мужчины, и любовь отца. Она сама находит его квартиру и приходит к нему: “Ничего, кроме Него и льющегося из окна света, я не видела, как будто его окружало какое-то сияние. Он остановился, лица его, как и взгляда, мне было не различить против света, я стояла перед Ним, широко раскрыв глаза, и не знала, что за этим последует, — наверно, я должна что-то сказать, но что? Объяснить свой приход? Поздороваться хотя бы? Я ничего не сказала, он тоже, мы стояли друг против друга, напряженные, будто враги, как будто выжидая, пока другой бросится первым. Потом он поднял руку и потянулся ко мне, взял за руку, вывел на середину комнаты, и пока я там неловко стояла, он расстегивал одну за одной кнопки моего школьного платья, кнопки сухо щелкали, он стянул платье, оно упало на пол, потом и все остальное, и вот я стояла перед Ним совершенно голая”. Почти жертвоприношение глазами жертвы.

“Было прохладно, я вся дрожала, обхватила грудь руками, а Он, закрыв лицо руками, пробормотал: “Что я делаю, что я делаю, я люблю тебя, очень люблю, уже давно”. Я подошла к нему, оторвала его руки от лица, завела их себе за спину, крепко прижалась к нему. На нем было что-то колючее, какая-то пуговица больно впилась мне в грудь. Я вдыхала его запах, этот запах я узнала еще маленькой девочкой, когда сидела у него на коленях, я тосковала по этому запаху <…>, я полностью окунулась в Его запах и заплакала”.

Любовь всегда трагична, это любил повторять Бунин. В каждом случае эта трагедия принимает непохожие формы, но сильная страсть всегда рождает противодействие безлюбого мира. Вот как видит дочь отношения матери и ее любовника: “Я вообще не понимала, зачем моей маме нужен Харри, она вечно была им недовольна, она мечтала о ком-то другом, может быть, тосковала о моем таинственном отце, а может, о мужчине, которого пока не встретила, о большой любви. А почему бы ей одной не тосковать, без этого Харри? Порой она его просто ненавидела, придиралась без причины, впадала в истерику, начинала выяснять отношения. Это было противно”. Именно мать с Харри посадили любимого мужчину дочери в тюрьму, заставили предать Его.

“Мама решила <…>, что это эта недозволенная любовная история должна быть предана широкой

огласке, а Он за растление малолетнего ребенка должен понести суровое наказание”. Самое дикое в этом, что мать заставил это сделать ее любовник Харри, мужчина, которого мать не любила, но видела в нем опору своей оставшейся жизни. А дочка любила: “Я рассказала ей все. Сказала, что любила Его, русского, Александра, мужчину много старше себя, а Он любил меня, что мы любили друг друга, просто любили, а дальше уж все случилось, как случилось, что мы говорили и о женитьбе. Он говорил, а я не хотела. Мама утешала меня, успокаивала. И она же меня предала”.

Описывается нетривиальная для северного народа любовь, однако важно и то, что сюжет разворачивается на фоне национальной проблемы. Не просто малолетка оказывается в сексуальной связи со взрослым мужчиной, но — и это не менее важно для романа — *эстонка* любит *русского*. А к русским отношение было напряженное. Любовь к русскому была запретна уже сама по себе, могла восприниматься как национальное предательство. А тут и такая разница в возрасте! Шекспировской Джульетте — 14 лет, всего на год больше, чем героине. Момент ксенофобии в романе стоит смертельной вражды Монтекки и Капулетти. Русскому читателю достаточно напомнить любовь Андрия к прекрасной полячке (“Тарас Бульба”), любовь страстную, как у Ромео и Джульетты, и ее трагический исход. Книгу Майму Берг, мне кажется, нужно видеть в этом контексте.

“Не знаю, почему большая счастливая любовь так тревожна. Может быть, потому, что такое огромное счастье вызывает и великую зависть — одно сильное чувство рождает другое?”. Но зависть слишком мелкая антитеза любви. Это просто орудие, которым рок, судьба, обыденная жизнь расправляется с тем высшим, что есть в человеке. Как понятно из оброненных фраз, любовник героини умер в тюрьме. Или просто состарился неизвестно где, дожил до глубокой, почти жуткой старости где-то вдали от любимой. “Все те долгие годы, как Его не стало, я ежедневно смотрелась в зеркало, бездумно, просто чтобы увидеть свое лицо, я смотрела себе в глаза, надеясь уловить там отражение Его взгляда, — безуспешно. Куда он пропал, погас, где он остался, Его взгляд? Я могу смириться с тем, что мне уже не суждено перебирать его красивые волосы, наслаждаться его голосом, вдыхать его запах, но как я примирюсь с тем, что больше не увижу его глаз?”.

Трагедия любви — это то, что навсегда остается у человека в сердце, а если он выжил, то трагедия меняет состав его мыслей и чувств, делает по-настоящему взрослым. Но ведь поразительно, как редки в человеческой жизни эти звездные часы любви! Поэтому все трагедии о любви от Шекспира, Гоголя, Белля до современных авторов на самом деле рассказывают о чуждости обыденной человеческой жизни всему подлинному. И это страшно!

Хотелось бы закончить эту рецензию словами из интервью с Майму Берг, очень удачно, на мой взгляд, выразившими пафос ее творчества: “Исповедальный роман. О предательстве своих собственных чувств, своей любви и... обретении, наконец, душевной свободы. Роман о созревании… свободы”. Но эта свобода дорогого стоит, это свобода, прошедшая через трагедию, через расставание с иллюзиями об окружающем мире. Горькая свобода. Но настоящая проза.

ЖЗ
в начало страницы

Be
Я 3400

© 2001 Журнальный зал в РЖ, "Русский журнал" | Адрес для писем: zhz@russ.ru
По всем вопросам обращаться к Татьяне Тихоновой и Сергею Костырко | О проекте